

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Андрамонова Д.К. на тему «Конформизм и нонконформизм в обществе постмодерна (социально-философский анализ)», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия

Диссертационное исследование Д.К. Андрамонова имеет как теоретическую, так и практическую значимость. За якобы интуитивно ясной оппозицией конформизма и нонконформизма, как показывает автор, стоит серьезная научная проблема, обсуждение которой при принципиальном расхождении позиций идет до сих пор. При этом современная ситуация, именуемая в диссертации «поздним постмодерном», придает указанной проблематике особую актуальность в силу существенной трансформации конформистского и нонконформистского типов поведения и идентичности. Соответственно, анализ указанного феномена в современных условиях имеет серьезный прогностический потенциал в отношении идеологических, религиозных, нравственных и других конфликтов нового типа.

Диссертант исходит из того, что данная проблема имеет междисциплинарный характер, о чем свидетельствует уже то, что ее обсуждение началось в социальной психологии конца XIX в., а наиболее значимые результаты были достигнуты в социологии XX в. Обсуждению методологических вопросов, связанных с прояснением данных понятий и формированием разных концептуальных подходов к проблеме, посвящена первая глава диссертационной работы «Конформизм и нонконформизм – стратегии и тактики социального поведения (методологические подходы)». Причем уже здесь стоит отметить одно из достоинств работы Андрамонова, суть которого в том, что различие методологических подходов рассматривается им в свете трансформации самого исследуемого явления. Постановка проблемы, понятийный аппарат и выводы, о которых идет речь,

определяются не только спецификой науки и избранного аспекта, но и уровнем и характером развития общества.

С авторской точки зрения конформизм и неконформизм как широкая понятийная рамка конкретизируется в психологии через оппозицию нормального и девиантного поведения, в теории культуры как оппозиция культуры и контркультуры, в этике как противоположность ответственности и безответственности, в политологии как легальное и нелегальное, в праве как законное и противозаконное. Но в чем выражается специфика социально-философского осмысления этой проблемы???

Данный вопрос применительно к теме диссертационной работы принципиально важен, и Андромонов предлагает свое понимание специфики социально-философского анализа, который он связывает с исследованием конформизма и неконформизма «в отношении культурно-типологических характеристик обществ» (с. 26 дис.) и с включением их в более широкий социокультурный контекст, что и реализуется им во второй главе предлагаемого исследования. Но как раз в этом пункте к автору возникают вопросы, поскольку такое понимание социальной философии обусловлено тем фактом, что в XX веке философия начинает «обслуживать» социальные науки нового поколения. В итоге социальная философия оказывается своим иным социологии, что и демонстрирует в своей диссертации Андромонов.

Иначе говоря, исследование конформизма и неконформизма предстает в качестве философской проблемы только там, где предмет философии предельно сближается с предметом теоретической социологии. И это как раз происходит в науке XX века. Тем не менее, задолго до этого философия исследовала проблему детерминизма и индетерминизма применительно к поведению человека, и в классической философии это было вопросом о человеческой свободе, где и заданы предельные философские основания данной проблемы.

Очень показательным, что диссертант никак не увязывает проблему конформизма и нонконформизма с диалектикой свободы и необходимости, расхождением свободы и произвола, хотя и указывает в разделе «Степень разработанности проблемы» на то, что у ее истоков находились идеи Ф. Ницше (с. 7 дис.). Фундаментальной философской проблемы свободы автор касается при краткой характеристике взглядов Эриха Фромма и Альбера Камю (с. 32-33 дис.). Но каждый раз такая постановка вопроса оказывается сугубо частной, характерной, к примеру, для Франкфуртской школы, и не более.

Автор диссертации не скрывает того, что исследование проблемы и методологических подходов к ней осуществляется им на материале социологических учений. В некоторых случаях он со всей определенностью указывает на то, что разговор касается, в первую очередь, «социально-теоретической повестки научного социологического сообщества». В центре композиции здесь, естественно, оказывается традиция, идущая от Т. Парсонса, которую Андрамонов характеризует как образец «нормативного дискурса». И здесь нужно указать на еще одно достоинство диссертационной работы, которое состоит в огромном материале из истории теоретической социологии, добросовестно проработанном диссертантом. Так в первой главе Андрамоновым подробным образом рассматривается позиция Т. Парсонса и его развитие Р. Мертоном и П. Штомпкой, которые прорабатывают ценностную сторону конформистского и нонконформистского поведения современного человека. Далее речь идет о так называемом «релятивном дискурсе», который представлен, по мнению диссертанта, широким полем концепций от Ю. Хабермаса и П. Бурдьё до теории конфликта и интеракционизма. И все это многообразие объединяет критика нормативизма и структурно-функциональной теории с позиций позитивной роли девиации и нонконформизма, без которых невозможна жизнедеятельность социальной системы. То, что для Парсонса с его фундаментальным нормативизмом всего

лишь дисфункция в функционировании социального целого, для них вполне может стать залогом будущего процветания. И норма, и отклонение, смотря по обстоятельствам, могут служить пользе общества. И завершается первая глава диссертации характеристикой взглядов представителей Франкфуртской школы, прежде всего, Т. Адорно и М. Хоркхаймера, а также Г. Маркузе, Э. Фромма и других антиподов Парсонса, для которых ценностным ориентиром является не стабильность, а разрушение существующего социального целого. Диссертант именует эту установку «критическим дискурсом», поскольку здесь радикальной критике подвергается сама идея социального порядка. И к такой установке не на стабильность или эволюцию, а на социальную революцию Андрамонов относится явно отрицательно, неоднократно повторяя то, что «критический дискурс явно имеет левую политическую ангажированность и предстает в виде «диагноза современности» (с. 75 дис.).

Симпатии диссертанта к нормативизму, пусть в смягченных формах, налицо. «Мы называем конформизм «интегративным» в силу того, что этот тип социального поведения помогает интегрировать личность, либо социальную группу в реальное сообщество и способствует сохранению такого сообщества. В этом смысле любое общество и его культура характеризуются, в первую очередь, явлением конформизма» - декларирует он в начале работы (с. 29 дис.). «Социально-интегративные функции конформизма, как мы упоминали выше, могут рассматриваться в качестве залога стабильного функционирования общества и социальной системы в целом. В самом широком смысле социальная конформность является условием сохранения социального порядка и ответом на один из принципиальных вопросов социальной науки» - пишет он в другом месте (с. 38 дис.). Такая в общем и целом охранительная позиция понятна, поскольку она лежит в методологическом основании теоретической социологии, начиная с ее основателя Огюста Конта как консерватора, у которого превыше всего был общественный порядок и гармония целого. Но этот безусловный

примат общества по отношению к индивиду, который некоторые философы именуют «социологизмом», фундаментально расходится с сутью классической философии, в центре которой изначально был человек, развитие человеческой личности, ее свободное и творческое самоутверждение. И это не обязательно совпадает с индивидуализмом как противопоставлением личности обществу и коллективу, критику которого вполне правомерно разворачивает Андрамонов во втором параграфе второй главы диссертации, где речь идет о конформизме и нонконформизме в политической жизни XX-XXI в.

Те, кто стоят сегодня в оппозиции к левой идеологии, конечно, укажут нам на тоталитарные режимы XX в. с марксистскими партиями во главе. Но тут нужно вспомнить определение Марксом коммунизма как «свободного развития каждого как условия развития всех». Именно в этом плане марксизм является наследником классической философии, как и всей классической гуманистической культуры, в которой общество предстает вовсе не антиподом или господином по отношению к человеку. Классический гуманизм предполагает, что социальная жизнь должна быть полем многообразного общения людей, которое формирует полноценную личность.

Но вернемся к достоинствам предлагаемой диссертационной работы во второй главе «Конформизм и нонконформизм – основные тенденции социального поведения и формирования идентичности в обществе постмодерна», где рассмотрены варианты конформистского и нонконформистского поведения и сознания в обществе конца XX и начала XXI в. Здесь мы находим интересный экскурс в историю понятий «модерн», «модернизм», «постмодерн». Помимо этого, Андрамонов предлагает нетривиальное различение стадий в становлении постмодерна, который, по его мнению, охватывает значительную часть XX века. Он различает «постмодерн» и «постмодернизм», а последний - как своеобразный феномен в области искусства, философии и культуры в целом.

Большое внимание во второй главе уделено формированию и утверждению массового общества и массовой культуры в первой половине XX века, и, соответственно, появлению якобы свободного «массового индивида». При этом автор особо выделяет период массового нонконформизма конца 60-х-начала 70-х годов, который служит переходным периодом от этапа, который можно назвать «ранним постмодерном», к «позднему постмодерну».

Как и в первой главе, от уточнения основ понятийной системы диссертант переходит к анализу направлений в исследовании постмодерна. Если с мыслью о том, что вполне адекватной картиной модерна можно считать социологию Парсонса с его структурно-функциональным анализом, можно и нужно спорить, то Андрамонов, конечно, прав в том, что серьезное осмысление процессов постмодерна мы находим у Ж. Бодрийера, П. Бурдьё, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко и др.

Достоинством второй главы является то, что анализ разных подходов к исследованию конформизма и нонконформизма в ней опосредован преломлением в этих взглядах самой новой культурной реальности. При этом Андрамонов подчеркивает, что «объективные изменения современной социальной реальности породили постнеклассическую парадигму в социально-гуманитарных науках, отрицающую базовые постулаты традиционной социологии» (с. 88 дис.).

Диссертант различает постмодернистскую социологию и социологию постмодерна в соответствии с мерой рационального отношения к своему объекту. Действительно, в некоторых случаях о социологии здесь можно говорить только условно, поскольку у постмодернистов типа Ж. Делеза перед нами, скорее, не размышление, а художественный образ, причем искаженной действительности. В этом смысле постмодернистское философствование отражает эпоху постмодерна, но самым превратным образом.

В последнем параграфе, посвященном проблеме идентичности человека в условиях контркультуры, Андрамонов указывает на размывание традиционных отношений между обществом и индивидом при позднем постмодерне, что подрывает основания под противостоянием конформистского и нонконформистского поведения у членов этого общества. Автор доказывает, что в новых условиях социальные противоречия меняют характер и перемещаются в область ценностных различий между индивидами, которые произвольно манипулируют позициями и социальными ролями.

Автор подчеркивает, что «учитывая «слабые места» в сознании индивида, а именно его изолированность в обществе масс, система предлагает ему «ложную самореализацию» (с. 142 дис.). В новых условиях «всеобщее стремление к демонстративному нонконформизму» является лишь массовой же конформистской тенденцией. В этом, подчеркивает Андрамонов, суть симулятивного нонконформизма позднего постмодерна, который, тем не менее, способен уже в новом качестве служить интеграции социального целого.

Здесь хочется отметить, что концептуальное содержание работы Андрамонова в чем-то даже шире заявленных достаточно подробных пунктов новизны. Но даже в работе такого уровня есть недостатки.

1. В силу осознанной ориентации на анализ проблемы конформизма и нонконформизма в теоретической социологии, в диссертации очень фрагментарно отражено отношение к тем же явлениям в значительном философском направлении XX века - экзистенциализме.
2. Сомнителен один из тезисов в заключении диссертации, суть которого в том, что индивиды в позднем постмодерне имеют относительно широкие возможности, но чаще предпочитают социализацию через образцы "низкой" массовой культуры. А значит, делает вывод Андрамонов, «массы конформны потому как стремятся к

конформности по своей сути. Такая тенденция, видимо, даже больше связана с некими фундаментальными характеристиками человеческой социальности вообще...» (с. 149 дис.). Имеет ли в виду диссертант, что человек изначально и по природе своей несвободен? Как это соотносится с гуманистическим пафосом мировой философии?

3. Автор местами слишком усложняет понятийный аппарат, свидетельствуя чему его определение распространенного в научной среде понятия «дискурс» «Под дискурсом в данном случае, применительно к нашему исследованию, мы понимаем концептуально-понятийное отражение аксиологически значимого системно упорядоченного, социального пространства, в котором осуществляется постановка социально-ценностных проблем» (с. 36 дис.).
4. Несмотря на то, что диссертант преимущественно анализирует трактовки конформизма и нонконформизма у западных исследователей, во внушительном списке использованной литературы все источники на русском языке. С другой стороны, изучение списка показывает, что произведения ведущих социологов Запада в последние два десятилетия оперативно переводились на русский язык.

Указанные недостатки, конечно, не снижают высокого научного уровня представленной работы. Основные научные задачи, поставленные автором диссертации, безусловно, выполнены. Результаты, полученные Д.К. Андрамоновым в ходе исследования, являются новыми и значимыми. Автор диссертации раскрывает симулятивную природу конформизма и нонконформизма, присущих эпохе постмодерна, опираясь при этом на самостоятельно и грамотно осмысленную историю науки, философии и культуры в целом.

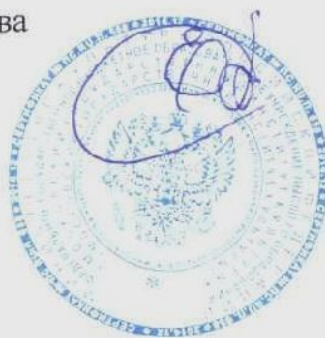
Данные, полученные диссертантом в ходе написания диссертации, отличаются достоверностью, подтверждаемой адекватностью выбранных методов исследования; глубоким знанием источников; выводами,

подкрепленными аргументацией – цитатами и ссылками; структурой построения диссертации, позволяющей достичь поставленных целей; логичностью изложения материала. Эти результаты дают основание Д.К. Андрамонову претендовать на получение искомой ученой степени.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации. Диссертация Андрамонова Дмитрия Константиновича полностью соответствует п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, а автор ее достоин присуждения искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия.

Официальный оппонент - доктор философских наук
(специальность: 09.00.03 – история философии),
профессор кафедры социально-философских наук
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт культуры»,
Россия, 141406 Московская обл., г. Химки,
ул. Библиотечная, д. 7.
Тел.: (495) 570-31-47

Е.В. Мареева

Личную подпись <u>Е. В. Мареевой</u>
заверяю <u>Селезнин И. А.</u>
<u>Уч. В. П. Зюмова</u>
« 11 » 09 2017г.